

ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГЕ И УЧИТЕЛЕ

EDN: KBKQFE

Чепуренко

Александр Юльевич

Политический социолог в аполитичном обществе?

Владимир Васильевич Петухов был человеком, который в своих научных поисках всегда шёл от запроса практики. Он не был кабинетным теоретиком и изобретателем теорий среднего уровня для объяснения политических процессов в российском социуме, но умел каким-то непостижимым образом схватывать происходящие изменения в политических настроениях и нащупывать их социальные и социетальные причины, в чём ему сильно помогали данные, получаемые в ходе опросов населения. В них он всегда участвовал регулярно, с большой вовлечённостью, начиная с РИСИНП, а затем – во ВЦИОМ и Институте социологии РАН.

Ещё в поздние годы перестройки, когда многие из академических исследователей продолжали строить различные умозрительные схемы для интерпретации возможности «плюрализма мнений в рамках однопартийной системы», Владимир Васильевич активно тусовался в разного рода неформальных кружках, сходках, клубах, где знакомился с новыми лицами – лидерами и политэкспертами зарождающихся движений и партий, а потому хорошо знал повестку дня и господствующий дискурс, а в какой-то мере и принимал участие в его формировании. Эти

его контакты и знания очень помогли на начальном этапе становления нового независимого исследовательского и экспертного центра, каким рисовался в 1991–1992 гг. Российский независимый институт социальных и национальных проблем. Но ему мало было только отстранённого наблюдения, а потому очень скоро он ушёл в ревущее море политических страстей, которое бушевало в Верховном совете и вокруг него. Но после известных событий 1993 г. Петухов вернулся в РНИСиНП, где вновь активно включился в текущую исследовательскую работу.

Он был одним из первых авторов в отечественной академической литературе, кто в середине 1990-х гг. диагностировал нарастающую усталость общества от той версии «либеральной демократии», которая имплементировалась в стране и ограничивалась сугубо процедурными аспектами, при которых, по выражению забытого нынче классика, формально всё было верно, а по существу – происходило издевательство над здравым смыслом, наблюдался фактический захват государства группой олигархов. И он же одним из первых сформулировал сформировавшийся в конце 1990-х гг. запрос россиян на новый общественный договор с властью по принципу: вы нам – невмешательство в частную жизнь, а мы вам – свободу рук в области политики.

Этот новый общественный договор с течением времени и породил то состояние, которое мы сегодня наблюдаем: гибридный политический режим, иногда называемый в литературе нелиберальной демократией, но всё чаще – плебисцитарной автократией с использованием элементов рынка и демократических процедур.

В чём причины? В работах В. В. Петухова последних лет, его многочисленных статьях и главах в монографической серии ИС РАН «Российское общество и вызовы времени», приводятся довольно убедительные объяснения. Это и малый, и в значительной степени дискредитированный в 1990-е гг. опыт функционирования и развития демократических институтов в стране, и высокий уровень социального расслоения, при котором «низы» чувствуют себя исключёнными и разочаровываются в демократии, либо не верят в её возможности, и нарастающий глобальный кризис традиционной либеральной демократии в мире. Но он вовсе не считал эволюцию политического режима в стране предопределённой, настаивая на справедливости для нынешнего России тезиса З. Баумана о «ненаправленности перемен» некоем межуточном состоянии общества, находящемся в точке бифуркации. «Запрос на демократию сегодня носит характер «отложенного спроса». Реальность... такова, что эта альтернатива в лучшем случае является одной из возможных, но отнюдь не единственной. Вполне вероятен и «мобилизационный проект», свёртывание даже фасадных, декоративных атрибутов демократии», подчёркивает он (Российское общество и вызовы времени. Книга пятая. М.: 2017, с. 164). Это написано до повышения пенсионного возраста, внесения поправок в Конституцию, расширения борьбы с «иностранными агентами» в масс-медиа и секторе НКО, и последних выборов в Государственную Думу.

С чем же связывал Владимир Васильевич возможность реализации этого отложенного спроса? Он называл пять таких факторов. Во-первых, это то обстоятельство, что многие россияне помнят свою историю и ещё не забыли «советскую демократию». Думается, наш покойный друг сильно переоценивал как памятьливость сограждан, так и вероятность дожития той части сограждан, которые знают об этом времени не понаслышке.

Во-вторых, невозможность в такой большой стране, как Россия, взять под контроль всю жизнь гражданского общества. Но ускоренная цифровизация, которую только подстегнула пандемия, убедительно демонстрирует возможности социального контроля и формирования одобряемого поведения – не только Китай, но и российские мегаполисы сегодня показывают быстрый прогресс в использовании информационных технологий (в широком смысле, включая формирование инфошума и постправды) для реализации столь амбициозной цели.

Третьим аргументом Петухова является отсутствие единства общества, «без которого авторитарный режим существовать не может» (там же). Но отсутствие единства вполне может приводить к расколу по линии «мы – они», подпитывающему популистские тенденции как в обществе, так и в политической элите, а популистские режимы в Азии и Латинской Америке имели, как мы хорошо знаем, авторитарный характер.

В-четвёртых, рассуждал Владимир Васильевич, в обществе продолжают существовать в имитационном или даже в «замороженном» виде какие-то демократические институты. Они-де в тот момент, когда граждане востребуют их, проснутся, как Спящая красавица в известной сказке. В первую очередь, он возлагал соответствующие надежды на институт выборов. Но для того, чтобы институт выборов заработал, нужно иметь возможность выбирать между реальными политическими силами, которые честно соревнуются между собой. Между тем, как аполитичность значительной части населения, так и действия властей привели к тому, что такого выбора нет, и не очевидно, откуда он мог бы появиться. Кроме того, широкое распространение цифровых технологий и в этой области содержит в себе, как мы теперь знаем, большие перспективы в плане достижения управляемого результата.

Пятый аргумент связан с появлением значимой части людей, которые осознают себя гражданами, а не верноподданными. С формированием этого слоя в российском обществе Петухов связывал становление «свободной социальности» как общества, «обладающего собственными, внутренними, отличными от государства и несводимыми к нему механизмами интеграции» (там же, с. 165). Полагаю, и здесь он был не совсем точен: очевидный примерно с 2010–2012 гг. поворот к огосударствлению экономики, превращению крупного бизнеса в младшего партнёра государства в рамках стратегических проектов и ГЧП, втягиванию среднего бизнеса в госзакупки, а также маргинализация малого бизнеса, подстёгнутая пандемией и локдаунами – всё это приводит к сокращению частного сектора, рыночной экономики, а в итоге – и к сервильности значительной

части «самодостаточных россиян». К их превращению в аполитичных мещан, которые, возможно, и не прочь на досуге порассуждать о своих демократических ценностях и идеалах.

Таким образом, если «отложенный спрос» на демократическое развитие в сегодняшней России и есть, то он вовсе не так велик. И «откладываться» может ещё очень долго. Пока не появятся фундаментальные экономические, социальные и политические причины, которые побудят общество и элиты пойти на пересмотр нынешнего «общественного договора».

Но я уже, к несчастью, никогда не смогу поспорить по этим вопросам с Владимиром Васильевичем...

*А. Ю. Чепуренко,
доктор экономических наук*